

Поведенческий аспект организационно-экономических отношений в национальном хозяйстве современной России

© 2011 О.Э. Фотина

кандидат экономических наук

Московский государственный институт электроники и математики
(Технический университет)
E-mail: OET2004@yandex.ru

Важнейшей проблемой современной российской экономики остается такое сочетание политики экономической стабильности и экономического роста, которое обеспечит необходимые для расширенного воспроизводства объемы инвестиционных ресурсов. Острая потребность в инвестиционных ресурсах вызывает огромный интерес к финансовым средствам населения со стороны коммерческих банков, страховых компаний, пенсионных фондов и прочих инвестиционных структур.

Ключевые слова: субъективная основа инвестиционных процессов, реальный сектор экономики, сберегательное поведение экономических агентов, бизнес-циклы, долгосрочная эволюция экономики, гипотеза “финансовой нестабильности”.

Изменение теоретических представлений о роли кредитных институтов в развитии реального сектора национальной экономики в условиях рынка связано с именем Й. Шумпетера и его “Теорией экономического развития”¹. Именно он отрицал их чисто техническую функцию опосредования актов обмена на условиях срочности, возвратности и платности. В разработанной им теоретической модели, описывающей переход национальной экономики “из состояния отсутствия развития к развитию”, банкам принадлежит важная, если не определяющая роль.

С макроэкономической точки зрения кредитные учреждения выполняют функцию опосредования уже накопленной покупательной способности, не требуя авансировать то, что еще не создано. Именно в такой постановке проблемы возникает вопрос об источниках финансирования процесса развития (роста) в рыночной экономике, т.е., по выражению Й. Шумпетера, о “создании нового спроса до создания нового предложения”.

Кредитные институты и население прошли трудный путь сближения интересов: постепенно банки вынуждены были от спекулятивных операций поворачиваться лицом к мелким вкладчикам, а население пыталось определить место кредитно-банковских структур в своей хозяйственной практике. В этом случае банковский сектор выступает не только в качестве механизма перераспределения финансовых потоков, но и как один из важнейших элементов национальной воспроизводственной системы. Управляя процессами накопления и потребления финансовых ресурсов, финансовые посредники выступают в ка-

честве основного механизма финансирования экономического роста. Такой подход приводит к необходимости трактовки поведения индивидуальных инвесторов на рынке финансовых ресурсов, т.е. их финансового поведения.

Понятие “финансовое поведение” в экономике трактуется достаточно расширительно в зависимости от основных целей исследования. Так, Е.В. Бояркина и М.В. Мальшева определяют финансовое поведение как “деятельность индивида на финансовом рынке, связанную с эффективным инвестированием финансовых ресурсов”. Однако в центре их внимания находятся не только инвестиции как таковые, но и процессы накопления средств. Основной проблемой при определении финансового поведения выступает встраивание его в ряд таких понятий, как потребление, сбережение и инвестирование.

В процессе анализа финансового поведения следует отметить подход, использованный Н.Н. Иващенко, которая выделила четыре типа моделей поведения населения на рынке финансовых услуг: рациональную, традиционную, альтруистическую и аффективно-иррациональную. При таком подходе динамика инвестиций в реальном секторе экономики выступает в качестве функции от взаимного согласования субъектами финансового и реального секторов оценок по поводу перспективной эффективности инвестиционных ресурсов.

Не случайно Й. Шумпетер вполне справедливо в трактовке источников финансирования экономического роста отошел от “занижения” объема “существующей покупательной силы”, включая в них не только предпринимательскую

прибыль, но и сбережения хозяйствующих субъектов, обусловленные их стремлением получить процентный доход (т.е. сбережения рента). При этом открытыми остаются проблемы финансирования экономического развития, поскольку они не связаны с механизмом финансирования производственной деятельности за счет самофинансирования.

Вне контекста институциональных изменений предлагаемая Шумпетером модель неспособна ответить на вопрос о характере рыночного финансирования нововведений при переходе от депрессии к подъему, т.е. на стыке двух различных волн экономического развития. Особенно значимым обстоятельством оказывается в случае финансирования развития в современной российской экономике. В ней не только практически полностью отсутствуют элементы развития в терминологии Й. Шумпетера, но и организация ее финансовой системы не ориентирована на нововведения (что подтверждает длительность “депрессивной стабилизации”).

Для ответа на данные вопросы необходимо обращение к иной, более “пессимистической”, чем у Й. Шумпетера, оценке условий взаимодействия финансового и реального секторов. Такая оценка представлена в книге Дж.М. Кейнса “Общая теория занятости, процента и денег”², которая является вехой в формировании современных представлений о характере взаимодействия финансового и реального секторов в условиях стабилизации экономического роста. Несмотря на значительные несовпадения теоретических воззрений Дж.М. Кейнса и Й. Шумпетера, обе книги отличались принципиально новым взглядом на роль финансовой системы: у Й. Шумпетера - через призму теории развития, у Дж.М. Кейнса - макроэкономической теории, доказывающей зависимость совокупного дохода от текущего состояния финансовых условий инвестиционного процесса.

Основой рассуждений Дж.М. Кейнса становится обращение к триаде фундаментальных психологических факторов финансового поведения домашних хозяйств: “психологической склонности к потреблению, психологического предположения о будущем доходе от капитальных активов и психологического восприятия ликвидности”. Первый из этих факторов был использован при обосновании ключевой роли инвестиций в формировании агрегированного выпуска. Последние два строятся на зависимости динамики инвестиций от деятельности финансовой системы. С точки зрения отдельного инвестора, это позволяет производить переоценку эффективно-

сти инвестиций на постоянной основе. Именно финансовые учреждения играют главную роль в процессе указанных переоценок, оперируя основной массой национальных сбережений с целью их последующего инвестирования. С помощью разделения рынка производственных инвестиций и финансового рынка Дж.М. Кейнс смог обосновать существование особого “психологического” механизма зависимости динамики инвестиций и, соответственно, совокупного дохода от деятельности финансового сектора. В процессе инвестирования восприятие ликвидности как компонента массовой психологии предопределяет склонность хозяйствующих субъектов хранить часть богатства в ликвидной форме, т.е. в форме денег. При этом предпочтение ликвидности является, главным образом, функцией неопределенности, а процентная ставка оказывается “премией”, которая “должна быть предложена, чтобы побудить людей держать их богатства в какой-нибудь иной форме, нежели денежной”. В условиях альтернативности вложений хозяйствующих субъектов именно норма процента оказывается величиной, определяющей равновесие на рынках капитальных активов. Цены капитальных благ, а значит, и объемы инвестирования изменяются до тех пор, пока предельная эффективность капитала не сравняется с нормой процента. При этом банковские учреждения могут влиять на данный процесс посредством изменения объема денежной массы.

Однако статическая схема анализа оказалась эффективной при доказательстве зависимости инвестиций и совокупного дохода от деятельности финансовых учреждений, но не при оценке характера указанного влияния. Для решения последней задачи требуется динамическая теория, описывающая процессы изменения массовых ожиданий и, соответственно, “правил” поведения хозяйствующих субъектов во времени. Она позволяет рассматривать динамику развития капиталовложений в качестве функции от взаимного согласования субъектами финансового и реального секторов оценок по поводу перспективной эффективности инвестиций.

Развивая теорию Дж.М. Кейнса, Х. Мински отмечал, что “для понимания краткосрочной динамики бизнес-цикла и долгосрочной эволюции экономики необходимо понимать правила, которые определяют доминирующие финансовые взаимоотношения, и фактор, обуславливающий организацию финансовой системы”³. Он признает ориентированную на прибыль предпринимательскую деятельность финансовых учреждений, которая постоянно революционизирует структуру и институциональные условия финан-

совых взаимоотношений в экономике. При таком подходе финансовая система становится ключевым фактором хозяйственного развития.

Во-первых, нефинансовые организации как основные микроструктуры национального хозяйства включены в систему денежных потоков и расширенное воспроизводство в процессе финансового обеспечения движения материальных активов (реальных ценностей), поскольку, по Й. Шумпетеру, “вхождение в экономическую систему представителей реального сектора экономики (а они являлись ключевым фактором развития) обусловлены доступностью рыночного финансирования”.

Во-вторых, процесс производственных инвестиций, по Дж.М. Кейнсу, находится в зависимости от доминирующих в финансовой системе ожиданий (мотивационный аспект) по поводу перспектив экономического развития.

В-третьих, по справедливому замечанию Дж. Стиглица, динамика инвестиций является следствием оценок финансовыми учреждениями рисков этой деятельности в результате асимметрии информации.

В-четвертых, изменения в организации финансовой системы выступают одним из условий широкой коммерциализации новых организационных, производственных и коммерческих принципов хозяйственной деятельности (К. Перес и др.).

И наконец, в-пятых, нововведения в финансовом секторе, направленные на расширение денежного предложения в период экономического подъема, оказывают одновременно дестабилизирующее воздействие на экономику, сопровождаясь изменением институциональных условий (Х. Мински⁴ и др.).

Дж. Дьюзенберри предложил рекуррентную модификацию сберегательной функции, основанную на соотношениях размеров текущего накопления и доходов прошлых периодов, наиболее значимые гипотезы которой состоят в следующем:

1. Размер сбережений зависит от жизненных стандартов вкладчика, в частности связанных с его потреблением: чем они выше, тем меньше сбережения. Стандарты потребления, в свою очередь, зависят от уровня прошлых доходов.

2. Стандарты потребления могут изменяться под действием так называемого эффекта демонстрации: чем теснее контакт потребителя с новыми товарами и услугами, тем скорее формируются новые стандарты, стимулирующие рост дохода.

3. Процесс изменения стандартов обладает свойством асимметрии: стандарты более высоко-

го уровня потребления формируются быстрее; при снижении доходов возврат на более низкий уровень стандартов более инерционен. Данный эффект, получивший название эффекта “сберегательной защелки”, оказывает сдерживающее воздействие на рост сберегательной квоты при увеличении дохода и в известной мере объясняет ее относительную стабильность⁵.

Несмотря на многочисленные модификации сберегательной функции, описывающей зависимость сбережений от дохода, большинством современных исследователей признается недостаточный уровень адекватности описанных моделей сбережения. Это требует перехода от однофакторных к многофакторным моделям сбережения, что обуславливает наличие характерной особенности теории сбережений третьего периода, где учитываются (хотя и в упрощенной форме) структура доходов и потребления, размер накоплений прежнего периода, ставка процента и т. д. В результате была предложена следующая классификация моделей сбережений:

А. Модель “бюргерского типа сбережений”: “основа благосостояния - толстый кошелек”. Этим модели следуют страны, характеризующиеся значительной социально-экономической стабильностью, имеющие высокий уровень доходов (в диапазоне 14 - 28 тыс. евро) и преимущественно традиционные стереотипы сбережения. Для данных стран типична высокая сберегательная квота (в среднем 15-30 %).

В. Модель “общества потребления”: “жизнь взаимы”. Данная модель характерна для стабильных стран с высоким уровнем доходов (в диапазоне 14 - 22 тыс. евро), имеющих новые стереотипы сбережения и потребления. В странах с широко распространенными новыми стереотипами наблюдается низкая сберегательная квота (в среднем 3-8 %).

С. Модель “компенсации рисков”: “сбережения - спасательный круг на волнах жизни”. Эта модель реализуется в странах, имеющих элементы экономической, финансовой или политической нестабильности, отличающихся умеренным уровнем доходов (до 11 тыс. евро) в сочетании с преимущественно традиционными стереотипами формирования сбережений. Именно для этих стран характерна достаточно высокая сберегательная квота (10-20 %).

Д. Модель “утомленных жизнью”: “пресыщенность возможностями и желаниями”. Основная особенность этих стран - экономическая и политическая стабильность в сочетании с умеренными доходами (в диапазоне 9 - 13 тыс. евро) и сосуществованием как традиционных, так и новых стереотипов накопления сбережений. Для

них характерна небольшая сберегательная квота (2-3 % и ниже).

Представленная на рисунке матрица моделей сбережений (ММС) содержит набор четырех видов моделей (A, B, C и D), которые могут рассматриваться как некий условный трафарет (клише), накладываемый на изучаемый сберегательный процесс в условиях конкретной страны. По ее главной диагонали (сверху вниз и слева направо) находятся страны, в которых процесс формирования сбережений соответствует основным посылкам теории Дж.М. Кейнса; а на противоположной (дополнительной) диагонали размещаются страны, в которых на процесс сбережения значительно большее влияние оказывают другие факторы (в частности, указанные выше).

Используя матрицу ММС, прогноз развития процесса аккумуляции сбережений можно рассматривать как наиболее вероятный переход от одной модели к другой или как вероятность сохранения прежней модели сбережения с движением величины сберегательной квоты внутри установленного диапазона.

снизиться (не выходя, тем не менее, за рамки модели C). На рисунке возможные пути движения отмечены пунктирными линиями, а наиболее вероятный путь - сплошной стрелкой.

В пользу указанного сценария развития свидетельствуют такие аргументы, как сохраняющиеся элементы нестабильности, характерные для экономики переходного периода; слишком низкий уровень благосостояния населения, удерживающий сбережения в рамках данной модели; отсутствие установившегося “рыночного менталитета” потребления и т. д. Это означает, что объем накапливаемых у населения сбережений будет достаточно быстро возрастать (естественно, при условии дальнейшей стабилизации экономики и успешного развития реформ), что подтверждается наблюдаемой в последние годы в банковской системе тенденцией роста сбережений, обусловленной приростом реальных доходов населения.

Диалектика развития каждого типа финансового поведения и взаимодействия между ними определяет направления развития финансовой сферы. Она первой соприкасается с новыми фи-

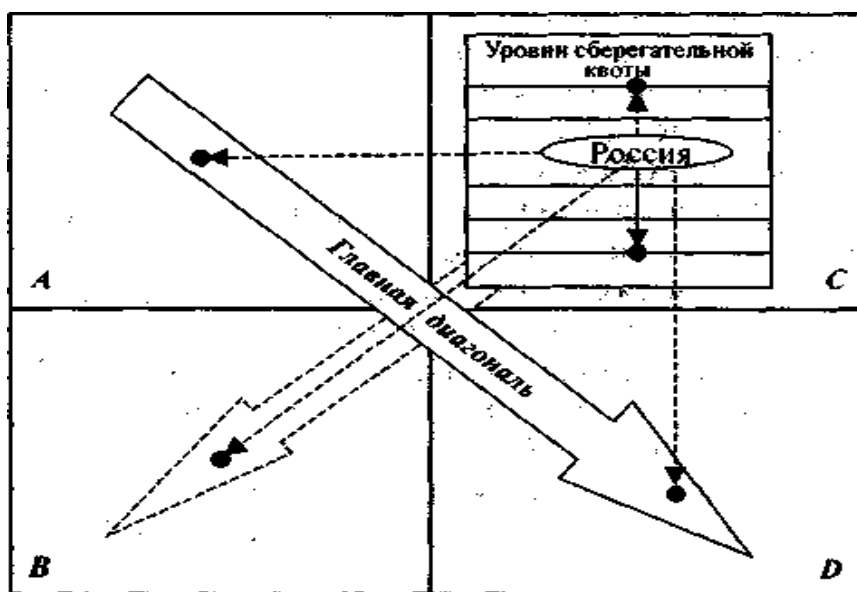

Рис. Матрица моделей сбережений в национальных экономиках

Процесс формирования сбережений в российских условиях крайне специфичен, поэтому трудно говорить о его точном соответствии рассмотренным моделям. Можно лишь с известной долей условности считать, что российский тип процесса сбережения примыкает к модели C (иными словами, Россия находится вне главной диагонали рассматриваемой матрицы). Кроме того, с большой вероятностью данная модель сбережения сохранится достаточно длительное время, хотя сберегательная квота может несколько

нансовыми товарами и непосредственно участвует в процессе их выхода и укрепления на рынке. В ходе потребления финансового товара активные субъекты вырабатывают нормы финансового поведения, которые транслируются остальным группам.

Рутинно-эволюционная группа играет роль стабилизатора работы рынка, это - сегмент массового спроса. Он в процессе взаимодействия эксплуатирует ранее созданные нормы финансового поведения, реализует потенциал доверия и

накапливает опыт хозяйственной деятельности. Усваивая нормы и ценности, транслируемые из экономически активного элемента, группа трансформирует их в потенциал доверия.

Финансовые стратегии российских домохозяйств на первых этапах трансформации финансовой системы страны подверглись серьезным изменениям. Движение денежных потоков в домохозяйствах потеряло свою стабильность и предсказуемость. Началось сужение доли населения, способной контактировать с финансовыми институтами.

Анализ логики развития взаимодействия финансовых структур и населения в финансовой сфере России и других стран позволяет сделать предположения относительно возможных вариантов дальнейшего развития. Оптимистичным вариантом развития является достижение обществом форм социального партнерства в финансовой сфере.

Возникновение форм социального партнерства, обеспечивающих эффективное функционирование финансовой сферы, возможно в случае, если все три основных составляющих взаимодействия - государство, финансовые структуры и потенциальные клиенты - будут обладать определенными качествами.

Наиболее эффективно стимулирует развитие социального партнерства государственная политика регулирования социальных отношений в финансовой сфере, базирующаяся на двух основных принципах:

- обеспечения и поддержания баланса интересов участников рынка внутри страны;
- макрорегулирования финансовых процессов с целью обеспечения конкурентоспособности страны на мировом рынке.

В свою очередь, баланс интересов участников рынка может быть выстроен только в том случае, если каждый участник рынка будет полностью осознавать свои интересы и будет способен к их конструктивной защите. Возможность такой конструктивной защиты обеспечивается развитием третьего сектора и правового пространства страны. Ведущую роль в ходе развития взаимодействия субъектов финансовой сферы начинает играть не лично-предпринимательская активность, а институциональная.

¹ Шумпетер И. Теория экономического развития. М., 1982.

² Кейнс Дж. М. Общая теория занятости // Вопр. экономики. 1997. □ 5. С. 102-113.

³ Minsky H. Money and Crisis in Schumpeter and Keynes // The Economic Law of Motion of Modern Society: A Marx-Keynes-Schumpeter Centennial / Wagener H. J. and Drukker J. W., eds. Cambridge, UK, 1986.

⁴ Minsky H.P. Uncertainty and the Institutional Structure of Capitalist Economies / The Jerome Levy Economics Institute of Bard College // Working Paper. April 1996. □ 155. P. 1-31.

⁵ Сорос Дж. Алхимия финансов. М., 2010. С. 378-379.

Поступила в редакцию 07.08.2011 г.